МЕРАБ МАМАРДАШВИЛИ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Лекторский В.А. (Москва)

Я не могу претендовать на дружбу с Мерабом Константиновичем, хотя общаться с ним мне пришлось немало. Я не могу считать себя и сторонником всех его идей, хотя ряд из них оцениваю высоко.

Я познакомился с ним в 1954 г., когда был студентом философского факультета МГУ. Я учился на 4-м курсе и участвовал в спецсеминаре по «Капиталу» Маркса только что защитившего кандидатскую диссертацию Э.В. Ильенкова. Мераб был на 5-м курсе и являлся тогда горячим поклонником (вместе с Г.П. Щедровицким и Б.А. Грушиным) иной философско-методологической интерпретации того же произведения, сформулированной А.А. Зиновьевым.

Позже я прочитал статьи Мераба, выполненные в духе зинovieвской программы (о процедурах анализа и синтеза и др.), которые были для меня интересны, но всё же не очень соответствовали моему тогдашнему пониманию философии. Сильнейшее впечатление на меня произвели его публикации в 60–70-е гг., посвящённые анализу понятия превращённой формы деятельности (в «Философской энциклопедии», в журнале «Вопросы философии») и использованию этого понятия для исследования сознания, идеологии, культуры, самой философии (в частности, его статья «Анализ сознания в работах Маркса» в «Вопросах философии», знаменитая статья трёх авторов о классической и современной буржуазной философии в том же журнале и др.). Это действительно было событием в нашей духовной жизни, ибо впервые так оригинально и основательно был исследован феномен превращённой формы, а главное, показаны эвристические возможности подобного понимания для осмысления весьма широкого круга явлений.

В 1968–1974 гг. мне пришлось работать вместе с Мерабом в журнале «Вопросы философии»: я был членом редакционной коллегии, он — заместителем главного редактора. Мы встречались каждые две недели, естественно, много общались, обсуждали проблемы, как философские, так и нефилософские, в чём-то сходились, в чём-то нет. Потом Мераб покинул журнал и начал много выступать перед разными аудиториями. Я был на некото-

рых его лекциях, читал записи отдельных выступлений. Я стал понимать, что в его мышлении совершается какой-то поворот, но каков этот поворот, для меня было не очень ясно. В начале 80-х гг., когда Мераб уехал в Тбилиси, он издал там книгу о классическом и неклассическом идеале рациональности. Он прислал мне эту книгу, я внимательно изучил её и вот тогда, как мне показалось, понял, в каком направлении он стал двигаться.

Однако могу честно сознаться, что понимание поздней философии Мераба возникло у меня совсем недавно, когда начали издавать то, что не было опубликовано при его жизни.

Сейчас я могу с полным убеждением сказать, что Мераб Константинович Мамардашвили — один из самых оригинальных умов нашей философии; что обсуждавшиеся им проблемы относятся к числу главных в современной философии; что выдвинутые им идеи заслуживают внимательного и серьёзного обсуждения, так как проливают новый свет на многое из того, что кажется привычным и непроблематичным.

Я выделю несколько таких тем.

В центре его поздних работ — проблема сознания. Можно даже сказать, что Мераб был философом сознания (и философом свободы, ибо, с его точки зрения, свобода неотъемлема от сознания). Понимание непрерывности актов сознания и их прерывистости, сознательных усилий и случайности состояний сознания (в частности, «случая мысли»), рефлексивности и исходной «темноты», материи и его формы сознания и др. — об этом говорится много, по-разному в разных работах, но каждый раз с повторением основных тем и идей. Понимать Мераба нелегко: слишком много метафор, образов. Но там, где это понимание удаётся, можно найти немало интересного.

Между тем проблематика сознания стала одной из главных в современной философии в последние 20 лет (т. е. уже после смерти Мераба Константиновича). Речь идёт прежде всего об аналитической философии, которая стала взаимодействовать с бурно развивающейся когнитивной наукой: для последней проблема сознания тоже стала одной из центральных и при этом имеющей также и практический смысл в связи с разработкой когнитивных технологий, экспансивно распространяющихся в современном «обществе знания». При этом сегодня в исследовании сознания (чему посвящены специальные конференции и конгрессы, журналы, этим занимаются сотни специальных лабораторий) происходит далеко идущее переосмысление тради-

ционных философских и нефилософских методов. Это касается и психологии (о методологии которой Мераб писал), и аналитической философии, и феноменологии, которую Мераб творчески ассимилировал в поздний период. Сегодня возникают такие причудливые гибриды, как натурализованная феноменология, как феноменологическое прочтение буддийской философии сознания (Мераб писал о последней вместе с своим другом А. Пятигорским). Я думаю, что обращение к тому, что писал и говорил Мераб о сознании, очень интересно в свете той ситуации, которая сложилась сегодня в мире вокруг этой проблематики. Какие-то из его идей могут быть сегодня критически переосмыслены. Вместе с тем я полагаю, что в его подходе к феномену сознания можно найти то, чего нет в современных исследованиях.

Мераб писал о классическом и неклассическом идеале рациональности. Сегодня проблема рациональности в философии и науке (в частности, теория рационального выбора в экономической науке и социологии) — одна из самых обсуждаемых. А возможность неклассического понимания рациональности принимается многими исследователями. В.С. Стёпин сформулировал идею постнеклассической рациональности. Работы Мераба о рациональности участвуют в современных дискуссиях.

Понятие превращённой формы. Разработка этой проблемы — одно из широко признанных достижений Мераба Константиновича. Но было бы интересно специально исследовать, как это понятие трансформировалось в поздних его работах, в частности, как оно соотносится с его пониманием произведения, ноогенной машины и феномена. Такого рода исследование начато, но его нужно продолжить. В этой связи было бы интересно также сопоставить эту проблематику с вопросом о возможности и о характере редукции (как феноменологической, так и аналитической) в исследовании сознания — последнее связано с возможностями объяснения и понимания в этом исследовании.

Я назвал только некоторые проблемы, которыми занимался Мераб Константинович, и упомянул только отдельные предложенные им идеи. Но я думаю, что сказанного достаточно для того, чтобы сказать: он был настоящим философом и он современен, потому что настоящая философия современна всегда.